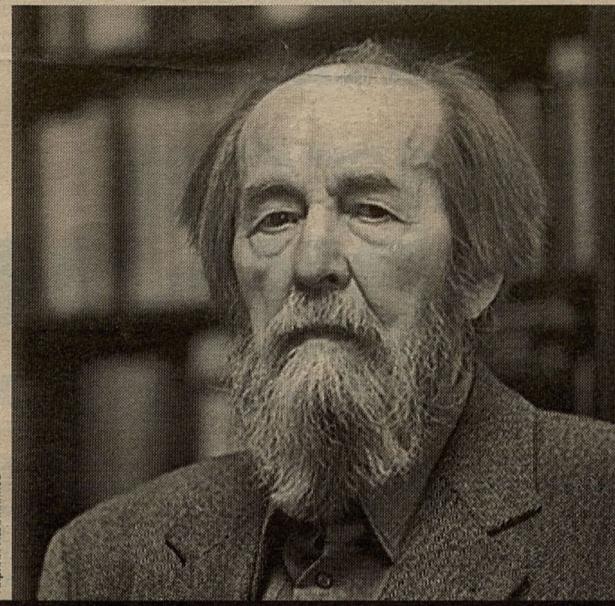

Гражданин
(подпись)

Кирилл Каллиников

Дата

К юбилею писателя Евгений Киселев подготовил документальный фильм «Александр Исаевич, его друзья и враги». В названии – намек на знаменитую статью покойного Владимира Лакшина, напечатанную в «Новом мире» лет сорок назад, «Иван Денисович, его друзья и враги» – с нее началась дискуссия о творчестве писателя, не прекращающаяся и по сей день. Этот фильм – не очередной пересказ биографии Солженицына. Он снят в жанре «писатель глазами современников» – почитателей и критиков, друзей и врагов. Фильм собирается показать НТВ, но в последний момент отказался без особых объяснений, несмотря на прежние обещания. Прозвучали невнятные объяснения, что для юбилея фильм неподобающий.

По некоторым сведениям, в дело вмешалась семья, ревниво относящаяся к любым высказываниям о Солженицыне. Действительно, известно, что в последние годы Солженицын дает интервью, участвует в съемках фильмов о себе при одном условии – кроме него, в этих фильмах не должно быть больше никого.

Собирать воспоминания современников в кругу писателя называется «ходить по хаткам». Это ровно то, что попыталось сделать Киселев. В фильме нет подобострастного интервью с юбиляром, в нем говорят люди, сталкивавшиеся с Солженицыным лично, наблюдавшие его издалека. Говорят они и вещи некомплиментарные. Кому-то это очень не понравилось. Не исключено, что эти люди включили в дело свои связи в высоких политических кругах, и на НТВ взяли подозр. Канал, правда, обещает купить фильм, чтобы «показать его когда-нибудь потом» – то есть, по сути дела, положить на полку. Вполне в духе времени. Сегодня мы публикуем некоторые ответы на вопросы, поставленные перед участниками фильма, чтобы дать читателю представление о спектре оценок, неизбежно сопровождающих такую крупную и неудобную фигуру, как Солженицын.

«Один день Ивана Денисовича» был напечатан в то время, когда Варлам Шаламов написал «Колымские рассказы», а Евгения Гинзбург – «Крутой маршрут». Почти одновременно с публикацией «Ивана Денисовича» был запрещен роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Можно ли сказать, что Александр Исаевич стал «великим» благодаря стечению обстоятельств? Или он действительно великий, а «Один день...» стоит на голову выше произведений Гроссмана или Шаламова?

ОДНА ЖИЗНЬ АЛЕКСАНДРА ИСАЕВИЧА

Виктор ЕРОФЕЕВ, писатель:
«Один день...» – книжка уникальная. Она построена на хорошем, сильном парадоксе: Солженицын в ГУЛАГовском аду нашел момент счастья. Маленький человек выстоял против обстоятельств – не только победил, но и осмыслил их. У Шаламова такого нет: там – полное разрушение. Русская традиция такого разрушения не приемлет.

Рой МЕДВЕДЕВ, историк: Солженицын по тому времени был подходящим автором. Пускай сами: открылась возможность говорить правду, но – не полностью, как бы лишь на ширину щелки. Гроссман со своим огромным романом в эту щелку не проходил – по меркам того времени он был слишком глубок и остр в своей критике режима. По тем же причинам не проходной была и Евгения Семеновна Гинзбург. А Солженицын – пожалуйста: один день крестьянин в лагере. Сидит, работает с удовольствием, кладет в ограду лагеря кирпичи. Ему, Ивану Денисовичу, труд даже в заключении радость доставляет. И это Хрущеву понравилось особенно: вот каковой русский человек – добросовестный, честный, не протестует ни против режима, ни против КПСС в целом. Это по тем временам вполне проходной материал.

Лев ЛОСЕВ, поэт: «Один день Ивана Денисовича» я включаю в курсы по русской литературе XX века: роман маленький, на английский переведен прилично – значит, студентам американским его давать можно. И роман этот им страшно нравится – наверное, не потому, что там есть какие-то сведения о страшной системе лагерей, правда? А потому что Иван Денисович – это, если хотите, современный Робинзон Крузо. Заброшен человек туда, где выжить трудно, – и интересно читателю: как будет тепло и пищу для себя добывать? Вот этот общечеловеческий сюжет и интересен. Он больше, чем просто иллюстрация к страшному периоду советской жизни.

Борис ПАРАМОНОВ, культуролог: Шаламов сказал, что в «Иване Денисовиче» описан детский лагерь. Было бы смешно, если бы я ввязался в полемику с ним, человеком с опытом Колымы 38-го. Но Шаламов понял то, что опыт XX века с его войнами и лагерями перечеркнул старинную модель морализаторского отношения к миру – примерно то, что имел в виду Теодор Адорно, когда сказал «Искусство после Освенцима невозможно». Шаламов это понял, а Солженицын – нет. Он воскресил морализирование.

Задолго до появления «Архипелага ГУЛАГ» на Западе была обширная литература, описывающая

большевистский и сталинский террор (книги Мельгунова, Конвикта, Бажанова, публикации Раскольникова и Орлова). Почему именно «Архипелаг» произвел на Западе такое впечатление?

Юлий КРЕЛИН, писатель: Потому что советская власть устроила «Архипелаг» такую раскрутку, какой не было ни у одной из перечисленных книг. Отвратительный главный враг Солженицына сам сделал из него великого. А потом – Нобелевская премия, и Запад стал читать благодаря такой рекламе.

Виктор ЕРОФЕЕВ: «Архипелаг» уничтожил то, что называлось евроМарксизмом. Там в нем многие видели надежду на избавление от богооставленности, преследовавшей Европу весь XX век. А Солженицын эту надежду придушил.

Мария РОЗАНОВА, издатель: «Архипелаг» я ценю не за литературные качества, а за силу удара.

Петр ВАЙЛЬ, культуролог: В XIX веке были две книги, реально повлиявшие на жизнь миллионов людей – «Хижина дяди Тома», которая сыграла колоссальную роль в отмене рабства в Америке, и «Что делать?», из-за которой тысячи людей пошли в революцию. По своему качеству не великие книжки. Но ведь дело не в качестве... А в XX веке такая книжка была всего одна – «Архипелаг». После ее прочтения одни люди говорили: «Все, кранты, пора уезжать из этой страны!». Другие: «Здесь больше нельзя жить, эту страну надо переделать». Третий: «Здесь жить страшно и опасно, давайте не будем высокомеряться и переждем». Миллионы людей, прочитав «ГУЛАГ», изменили свою жизнь – при том, что после Сталина и Гитлера все идеологии затрещали по швам. И вдруг появляется такая книга. Отсюда – торжество литературы, которое не выпадало почти ни одному писателю на протяжении всей истории мировой словесности.

Владимир БУКОВСКИЙ, политолог: Солженицын сделал первый ход в войне с международной холерой под названием «коммунизм», мы все к этому лишь присоединились – Сахаров, Григоренко, я... Солженицын, пожалуй, сделал больше, чем Герцен.

Соломон ВОЛКОВ, искусствовед: За «Одним днем...» и «Матрениным двором» закрепилась репутация классики. Я не встречал человека, который сказал бы, что это плохая литература. Но когда дело доходит до «Архипелага», люди говорят: «Ну да, публицистика замечательная, и свою роль она сыграла, но как литературное произведение – неинтересно, вторично». А для меня «Архипелаг» – жанровый прорыв уровня «Мертвых душ», которые Гоголь назвал поэмой. Эта книга Солженицына – абсолютное новаторство в русской поп-fiction.

Борис ПАРАМОНОВ: Коммунизм исчез в полном соответствии с рецептом Солженицына, изложенным в его «Письме к вождям»: «Сохраните власть, но откажитесь от идеологии». Что и произошло: теперь это называется номенклатурным капитализмом.

Юрий МЕДВЕДЕВ, историк: Солженицын не скрушил большевизм, а просто помог его развалу: один человек, пусть и герой, не может изменить общество в целом. Он думал, что развал этот пойдет снизу и раньше – а он пошел сверху и позже. Так сказать, не совсем по его сценарию.

«Солженицын пытался сделать все для того, чтобы эта страна была честной. Вы можете любить его или не любить, но одну вещь он делал сосредоточенно и планомерно: пытался призвать Россию хоть к какой-то моральной ответственности, к признанию грехов, к покаянию».

вовсе не обязательно означает «демократ»?

Мария РОЗАНОВА: Если бы советская власть была на три копейки умнее и на пятнадцать образованнее, она бы сделала из Солженицына своего человека. Потому что в глубине души своей он абсолютно советский человек. И потом, нельзя быть антисталинистом, если ведешь себя приблизительно тем же образом, только без приставки «анти». Когда Синявскому дали срок, несколько писателей организовали письмо в его защиту. Предложили подписать многим, в том числе и Солженицыну. Свой отказ он мотивировал так: «Него же русскому писателю искать славу за границей». А у самого к этому времени все, что было написано, поджидало своего часа именно за границей. Это – тот самый двойной стандарт, который позволяет судить других за то, что спокойно делаешь сам.

Юлий КРЕЛИН: Демократия – не лучшая вещь, придуманная человечеством. Солженицын показал, что можно быть против Сталина и большевизма и при этом не быть антитолстолитаристом.

Владимир БУКОВСКИЙ: Он очень не любил участвовать в коллективных акциях, не хотел подписывать письма – такой, знаете, волгодиночка. Но общее его направление никак не отличалось от нас. Он стоял за гражданские права, за права национальных и религиозных меньшинств, включая крымских татар и чеченцев.

Лев ЛОСЕВ: Солженицыну достаточно было один раз побывать на городской ходке в Кавендише, чтобы понять, что такое демократия снизу. Он пришел туда, чтобы извиниться перед соседями за то, что построил забор вокруг своего дома. Он знал американскую жизнь на самом что ни на есть почвенном уровне. И я уверен, что знание это очень сильно повлияло на его политическую философию.

Майкл СКЕМЕЛ: Солженицын очень долго пытался скрывать то, что он был коммунистом, искренним последователем идеи коммунизма. Ведь партию он начал ненавидеть не после того, как она посадила его в тюрьму, а гораздо позже.

Дон ТОМАС: Он не был диссидентом, как, например, Сахаров. На мой взгляд, то, что он приехал из провинции, имело огромное значение: в столицах, в космополитических культурах Москвы и Ленинграда, Солженицын всегда ощущал себя немного чужим.

Юрий МЕДВЕДЕВ: Прожив тридцать лет за границей, я понял, что диссиденты – даже Сахаров, даже Солженицын – были пешками «холодной войны». Нами манипулировали: вокруг Сахарова было целое бюро в Нью-Йорке, вокруг Солженицына – нечто подобное. Там определялось, какие заявления нужно делать, когда и куда их передавать. А когда Солженицын приехал в Америку, наступило разочарование: он стал ругать США не меньше, чем Советский Союз. При этом сам он не знал толку подвижнический образ жизни, к которому призывал других: в Вермонте у него было огромное имение, жил он вполне богато.

Петр ВАЙЛЬ: Ну, в чем, скажите мне, был прав Солженицын, обличая Запад в своей Гарвардской речи, – при том, что элементарная вежливость, казалось бы, не позволяет так относиться к хозяевам, в чьем доме ты поселился? Да и обличал неинте-

Гранитные следы Мнемозины

В Калуге при небольшом стечении народа и скромном официальном представительстве открыли мемориальную доску А.И. Солженицыну

На массивной, старательно отшлифованной плите черного гранита помещены дымчатый выгравированный портрет бородатого мужчины в хемингуэевском свитере и надпись спящим золотом. «Здесь 21 мая 1998 года с лекцией выступил лауреат Нобелевской премии по литературе писатель Александр Исаевич Солженицын», под текстом лихая виньетка, предположительно воспроизведенная подпись героя.

Лекция нобелевского лауреата состоялась во время его грандиозного шествия по российским просторам от Владивостока до Москвы, которым было ознаменовано Возвращение из эмиграции, или, используя его собственную терминологию, Изгнания.

Выступал он едва ли не во всех городах по своему пути, но памятный знак водрузили именно в Калуге. И это не случайно. Калуга, по данным загадочной организации именем Институтом культурного наследия России, вышла на первое в Отечестве место по количеству мемориальных досок на душу населения.

Доску эту замыслили давно. Вскоре после окончания лекции, а скорее всего, раньше. Из очевидцев, которых удалось опросить, никто не смог вспомнить, о чем, собственно, говорил писатель. Оперативно сделать запись на скрижалих не удалось по грубым финансовым причинам. Как их устранили – не вполне ясно, но доска, повторим, представляет собой зрелище эффектное. Не исключено, что областная библиотека имени В.Г. Белинского, которая и украсилась новой мемориальной доской, обошлась своими средствами.

Можно с уверенностью сказать, что в них нет недостатка. Библиотека блестяще приспособилась к нелегким рыночным условиям. Там были разработаны и успешно осуществляются изощренные методы зарабатывания денег. Объявление при входе сообщает, например, о расценках на следующие полезнейшие услуги: «Просмотр журналов «Бурда», «Верона», «Сандра», «Бутик» – 2 рубля за один номер. Выдача выкроек на дом – с 20.00 до утра – 4 рубля, на выходной день – 6 рублей». В гардеробе библиотеки не только хранят читательские макароны, но и продают пирожки с капустой также по сходной цене.

Это все не простые бытовые подробности, это важный идеологический контекст. Выкройка на ночь за 4 рубля и пышущая респектабельностью мемориальная доска стоят друг друга. Нельзя не вспомнить версию А.И. Солженицына о «целебном, спасительном, умеренном патриотизме», который «придается – строить совсем на чистом месте и на новых основаниях».

1) из провинции; 2) исходя, как из неизбежной данности, что наш народный характер расплывчат, ненастойчив, плохо сознает ответственность и плохо поддается самоорганизации». Насчет провинции Солженицын, безусловно, прав, а вот насчет самоорганизации, пожалуй, нет. Мемориальная доска на калужской библиотеке и тому, и другому порукой.

Алексей ЮРЬЕВ

ресно, повторяя все эти стереотипы бездуховности: ничего нового, свежего. Вопрос «зачем нужно двести моделей кроссовок, когда достаточно одной?» не имеет ответа, потому что он не имеет права на существование. Сила культуры – в многообразии. Я же не спрашиваю Солженицына, зачем ему сорок одна симфония Моцарта, когда можно целую жизнь наслаждаться любой из них, отвергнув остальные как излишество.

Соломон ВОЛКОВ: Что критиковал Солженицын в Америке? Моральную основу, на которой зиждется сама страна и ее культура. Делал то, чем занимаются все местные проповедники на множестве религиозных телеканалов. Они говорят, а общество идет себе вперед. Жить в обществе, которое хотят бы установить Солженицын, я бы не согласился. Однако он заставляет сесть и задуматься над эксцессами современной культуры, в чем и заключается его полезность в качестве проповедника.

Почему Солженицын не принял то, что происходит в России?

Рой МЕДВЕДЕВ: Он страшно боялся, что в России повторится Февральская революция и к власти придут либералы, которых он ненавидит. То, что произошло с Россией, вызывает в нем протест, глубоко оскорбляет и обижает его: Со-

испытание словом он, конечно, не выдержал. Он возомнил себя не только героем, но и некой колосальной силой. Где-то в его произведениях написано, что великие писатели – это второе правительство. Это не метафора: мне кажется, он действительно в это верил.

Соломон ВОЛКОВ: Были случаи, когда великие русские писатели становились не вторым, а первым правительством, крупнейшими государственными чиновниками. Державин был министром у Екатерины II, Салтыков-Шедрин – вице-губернатором тверским при Александре II. Помним ли мы, чего они добились, как государственные деятели? Нет, полный провал.

Другое дело, когда писатель становится для власти моральным авторитетом – если угодно, серым кардиналом. Карамзин, Жуковский в роли воспитателя наследника престола... в случае с Солженицыным мы видим, что его предложения о земствах воплощаются в первых рабочих шагах по формированию реального местного самоуправления. Несколько на это повлиял именно Солженицын, мы пока не знаем. Может быть, потом, когда-нибудь, из мемуаров...

Дон ТОМАС: Он, как Толстой в последние годы жизни, перестал быть художником, творцом и стал учителем. Это нелепо, но люди не должны обращать на это внимание. К сожале-

нию. Как и его стихи, и его публицистика.

Майкл СКЕМЕЛ: У него, если можно так сказать, очень политический мозг. Это проявляется во всем, что он пишет. Кроме того, он работает в старорусской полемической традиции: Солженицын дидактичен даже в мемуарах.

Жорес МЕДВЕДЕВ: Все-таки писателя оценивают по его произведениям. И в этом отношении он не так сильно выделяется среди многих писателей, которых мы знаем. А некоторые книги Солженицына располагаются на более низком уровне. Он думает, что изменил русский язык – но лично я многие его слова не воспринимаю, они не входят в живой оборот. Впрочем, самооценка и оценка современников чаще всего разнятся; посмотрим, что будет через пятьдесят лет.

Рой МЕДВЕДЕВ: Он обижен на Россию, на русский народ, на печать, потому что не принял ее систему ценностей. Он выпустил «Красное колесо» в сокращенном варианте, вместо десяти томов – четыре. Но книгу не покупают, не читают. Солженицын совершенно по-другому представлял себе Россию и ее народ. Он не самокритичен, и это его недостаток. Впрочем, пророков всегда заносит.

Виктор ЕРОФЕЕВ: Не читают? Значит, это беда России, а не Солженицына. Он социальный писа-

тели, идиоты, – ваших отцов, детей, дядек, неужели вы этого не понимаете? Те, кто не слышат Солженицына, не слышат вашу боль, именно вашу.

Почему Солженицын рвал практически со всеми людьми, которых когда-то были его друзьями и помощниками?

Владимир БУКОВСКИЙ: Когда меня обменяли на Корвалана, я поехал к Солженицыну в его вермонтскую усадьбу. Жил там дни, наверное, три. Он себя вел со мной исключительно покладисто. Например, ужасно стеснялся ругаться в моем присутствии. Прошло где-то две суток, прежде чем он сообразил, что ругательства меня совершенно не оскорбляют – до того кто-то сказал ему, что Буковский мат не переносит, – и стал выражаться на красивом русском языке.

Мария РОЗАНОВА: Он просто безбожник. Христианского в нем – ноль целых хрен десятых. Христианская мораль ему совершенно недоступна – в частности, отношение к близкому. Использовал – выбросил. «Если ты мне не служишь, то зачем ты мне нужен?» – вот его подход к человечеству.

Дон ТОМАС: После выхода «Ивана Денисовича» Твардовский сказал ему: «Пойдем, выпьешь вместе со всеми». Он сказал: «Нет. Я не пойду. Я должен писать». С некоторым высокомерием он показал, что у него слишком много дел. Он был жестоким и самовлюбленным – короче, он не был добрым человеком. Но мы должны быть благодарны ему за все, что он дал миру. Для того, чтобы на свет появился «Архипелаг», нужен был сверхчеловек. Поэтому мы, христиане, должны простить его за ту боль, которую он причинил людям.

Соломон ВОЛКОВ: Представьте себе того же Пушкина, дожившего до 85 лет, точнее, то количество женщин с разрушенными биографиями и незаслуженно обиженных друзей, которое он бы оставил. Могу себе образить, что бы говорили об Александре Сергеевиче в кулуарах его юбилея сверстники-лиценты! Солженицына не убили на дуэли до сорока, он дожил до преклонного возраста – и слава Богу, и наше счастье. Он прошел длинную жизнь, на которой совершенно неизбежно остаются недовольные и критики. Справедлива ли эта критика? Во многих случаях – да.

Но любой писатель пишет про себя сам. Например, Бродский запретил своим друзьям писать его биографию, даже посмертную – как бы желая из могилы диктовать условия, на которых будет создано (или не создано) его жизнеописание.

Майкл СКЕМЕЛ: Для биографа самое интересное – сравнить разные версии жизни писателя и в конце концов стать для него кем-то вроде судьи. И это писателю Солженицыну – как и любому другому – очень неприятно. Солженицын хочет оставаться единоличным, гордым владельцем своего мира. Он действительно великий писатель, а для многих еще и святой, и даже Бог. А кто может спорить с Богом, навязывать ему свои советы и оценки – неужели какой-то биограф? Наверное, поэтому он прекратил общение со мной.

Юлий КРЕЛИН: Очень трудно иметь дело с творческим человеком. Он человек идеи, а человек идеи опасен всегда.

Петр ВАЙЛЬ: Солженицын действительно занимает нишу пророка – ту, которую он за собой определил и за ним ее признали. Нащупал во многих поисках стиль архива и дошел до полного предела. Как в том стихотворении: «Он в бороду толстовскую одет и в сталинский полузащищенный китель». Диковатое сочетание, в котором он, однако, замер. И на фиг никому сейчас не нужен, вот в чем ужас. А с другой стороны, без него XX век России совершенно невозможно представить.

Борис ПАРАМОНОВ: Нельзя брать установку на критику Солженицына как на путь для прочищения мозгов человечества. Он явление глубоко культурное, попавшее в адовый застой, в ситуацию убийства культуры.

Владимир БУКОВСКИЙ: Ребята,

вы думаете, что выиграли от того, что не слышите голос Солженицына? Вы от этого проиграли. Его голос – это ваш голос. Голос тех, кого

нужно, им приходится только вспоминать о том, кем он был раньше.

Петр ВАЙЛЬ: Понимаете, правда у каждого своя. И даже если это не так, то каждый в этом убежден. Отсюда реакция: «Кто он такой, чтобы мною командовать? Я сам к этой правде подойду». Учителей если даже и слушаются, то не любят.

Почему Солженицына в России не читают? Или же его не читают в той же мере, в какой не читают Толстого или Достоевского?

Мария РОЗАНОВА: Когда в «Новом мире» получили рукопись «Одного дня Ивана Денисовича», они дали ее почитать Синявскому. Читаем мы рукопись, передаем страницы друг другу – и идет разговор: вот какой-то там учитель из какой-то там Рязани вдруг написал такое – представляете, что он напишет дальше? А я, злобная тварь, почитав это дело, сказала: «Один день...» – замечательная вещь, потрясающе написанная. Однако автор попадает в очень сложное положение, потому что его творческий путь начинается с вершины. И все, что он напишет потом, будет хуже.

Так и вышло. Его эксперименты с русским языком совершенно чудовищны, они показывают его полную

легионицын не этой демократии хотел, не к ней стремился. Он радикальный русский националист и даже как православный человек выступает против РПЦ. Он обходится с Богом без посредников, считает себя орудием Господа. Он не любит евреев, потому что они сыграли решающую роль в революции, но он имеет право так думать: это его концепция, его взгляды.

Владимир БУКОВСКИЙ: Солженицын пытался сделать все для того, чтобы эта страна была честной. Вы можете любить его или не любить, но одну вещь он во все времена делал сосредоточенно и планомерно: пытался призвать Россию хоть к какой-то моральной ответственности, к признанию грехов, к покаянию. Пытался выжить из них все, что может сделать христианин. Да, не вышло – но Солженицын сделал для этого все, что мог.

Борис ПАРАМОНОВ: По своему духовному типу Солженицын, скорее, человек европейской Реформации, пуританин. Это человек, для которого труд является естественной и в тоже время целеполагающей формой религиозного рвения.

Жорес МЕДВЕДЕВ: Когда он едет спецпоездом через всю Россию в сопровождении Би-би-си – это уже, простите, не трагическая фигура. Скорее, пиаровская...

тель, который ставит перед страной определенное количество вопросов – удачно ли, неудачно, но ставит. И предлагает на них ответить обществу. А в России нет общества, есть исключительный антимуравейник. Поэтому и Солженицын ей не нужен – как и вся литература, которая как-то связана с общественностью.

Петр ВАЙЛЬ: Солженицын действительно занимает нишу пророка – ту, которую он за собой определил и за ним ее признали. Нащупал во многих поисках стиль архива и дошел до полного предела. Как в том стихотворении: «Он в бороду толстовскую одет и в сталинский полузащищенный китель». Диковатое сочетание, в котором он, однако, замер. И на фиг никому сейчас не нужен, вот в чем ужас. А с другой стороны, без него XX век России совершенно невозможно представить.

Борис ПАРАМОНОВ: Нельзя брать установку на критику Солженицына как на путь для прочищения мозгов человечества. Он явление глубоко культурное, попавшее в адовый застой, в ситуацию убийства культуры.

Владимир БУКОВСКИЙ: Ребята,

вы думаете, что выиграли от того, что не слышите голос Солженицына? Вы от этого проиграли. Его голос – это ваш голос. Голос тех, кого

нужно, им приходится только вспоминать о том, кем он был раньше.

Петр ВАЙЛЬ: Понимаете, правда у каждого своя. И даже если это не так, то каждый в этом убежден. Отсюда реакция: «Кто он такой, чтобы мною командовать? Я сам к этой правде подойду». Учителей если даже и слушаются, то не любят.

Почему Солженицына в России не читают? Или же его не читают в той же мере, в какой не читают Толстого или Достоевского?

Мария РОЗАНОВА: Когда в «Новом мире» получили рукопись «Одного дня Ивана Денисовича», они дали ее почитать Синявскому. Читаем мы рукопись, передаем страницы друг другу – и идет разговор: вот какой-то там учитель из какой-то там Рязани вдруг написал такое – представляете, что он напишет дальше? А я, злобная тварь, почитав это дело, сказала: «Один день...» – замечательная вещь, потрясающе написанная. Однако автор попадает в очень сложное положение, потому что его творческий путь начинается с вершины. И все, что он напишет потом, будет хуже.

Так и вышло. Его эксперименты с русским языком совершенно чудовищны, они показывают его полную

легионицын не этой демократии хотел, не к ней стремился. Он радикальный русский националист и даже как православный человек выступает против РПЦ. Он обходится с Богом без посредников, считает себя орудием Господа. Он не любит евреев, потому что они сыграли решающую роль в революции, но он имеет право так думать: это его концепция, его взгляды.

Владимир БУКОВСКИЙ: Солженицын пытался сделать все для того, чтобы эта страна была честной. Вы можете любить его или не любить, но одну вещь он во все времена делал сосредоточенно и планомерно: пытался призвать Россию хоть к какой-то моральной ответственности, к признанию грехов, к покаянию. Пытался выжить из них все, что может сделать христианин. Да, не вышло – но Солженицын сделал для этого все, что мог.

Борис ПАРАМОНОВ: По своему духовному типу Солженицын, скорее, человек европейской Реформации, пуританин. Это человек, для которого труд является естественной и в тоже время целеполагающей формой религиозного рвения.

Жорес МЕДВЕДЕВ: Когда он едет спецпоездом через всю Россию в сопровождении Би-би-си – это уже, простите, не трагическая фигура. Скорее, пиаровская...

легионицын не этой демократии хотел, не к ней стремился. Он радикальный русский националист и даже как православный человек выступает против РПЦ. Он обходится с Богом без посред